

МОРОК: ТИХАЯ ВОДА

Клепиков
Василий
Сергеевич

Морок

Клепиков Василий

Морок: Тихая вода

«Автор»

2026

Василий К. С.

Морок: Тихая вода / К. С. Василий — «Автор», 2026 — (Морок)

Ева — проводница. Она видит то, чего не видят другие: русалок, что топят инженеров отравленного завода, полевика, уводящего детей в мёртвое поле, упыря, высасывающего жизнь из проклятой девушки. Каждое дело требует платы — частицей силы, памятью, перьями вещей птиц. Но кто-то тайно кормит сущностей чёрными камнями со старыми знаками, разжигая зло, и Ева понимает: это не случайность. Это цепь. И её отец знает о ней больше, чем говорит. Чем глубже Ева погружается в тень, тем больше теряет себя. Способность радоваться исчезает, уступая месту холодной пустоте. Но отступать нельзя — иначе Морок хлынет в мир. А в конце пути её ждёт не только правда, но и девочка с глазами, полными древней тоски и опасной силы. Мрачное, вязкое городское фэнтези со славянскими корнями, где за каждый шаг приходится платить, а надежда замерзает, но не умирает.

© Василий К. С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Тихая вода	5
Глава 1. Утопленники	7
Глава 2. Чёрная вода	9
Глава 3. Полевик и дети	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Клепиков Василий

Морок: Тихая вода

Пролог. Тихая вода

Река текла медленно, будто нехотя. Чёрная вода отражала низкое небо, и казалось, что город плывёт вверх дном, а звёзды ушли глубоко вниз, в илистое дно.

Ева сидела на гранитной набережной, свесив ноги над водой. Два года прошло. Два года, как она научилась не вздрагивать от каждого скрипа половиц в квартире Северова, не вслушиваться в шум ветра в печной трубе, надеясь услышать его шаги. Два года, как она перестала проверять, не забыла ли его лицо. Она забыла. Осталось только чувство — тяжёлое, тёплое, похожее на руку на плече, когда никто не стоит рядом.

Кикимора сидела на её плече, молчала. Это было её новое умение — молчать, когда Еве нужно было просто быть. Не насмешничать, не пакостить, не проверять на прочность. Просто быть рядом.

— Вода пахнет, — сказала Ева.

— Всегда пахла, — ответила Кикимора. — Просто ты привыкла.

— Нет. Сильнее, чем раньше.

Река и правда пахла иначе. Не тиной и рыбой, а чем-то сладковатым, тошнотворным, как от старого бинта, которым перевязали гниющую рану.

— Химия, — сказала Кикимора. — Заводы сбрасывают. Люди травят реку, а потом удивляются, что рыбадохнет.

— И не только рыба.

Ева кивнула вниз. В чёрной воде, на самой границе видимости, что-то блеснуло. Бледное лицо, длинные волосы, глаза без зрачков. Оно смотрело на неё не мигая, и в этом взгляде не было ни злобы, ни мольбы. Только укор.

— Она тебя видит, — сказала Кикимора.

— Я знаю.

— Раньше они прятались.

— Раньше им нечего было терять.

Лицо под водой исчезло, оставив после себя только круги на воде. Круги расходились, сталкивались, гасили друг друга. И в том месте, где они встретились, вода вдруг вскипела, выбросила вверх фонтан брызг, а на асфальт у ног Евы упала мёртвая рыба. Глаза её были выедены, жабры разодраны, а из разорванного брюха торчал комок зелёной тины, который пульсировал, как живое сердце.

Кикимора спрыгнула с плеча, ткнула рыбу лапой.

— Знак, — сказала она. — Они зовут. Или предупреждают.

— Или и то, и другое.

Ева поднялась, стряхнула с куртки невидимую пыль. Она машинально провела пальцем по камню, на котором сидела. Под её рукой оказалась странная царапина — не случайная, а похожая на знак. Круг, перечёркнутый двумя линиями. Кикимора скосила глаза, но ничего не сказала. Она решила, что это граффити. Куртка Северова, всё ещё велика, всё ещё хранит его запах — табак, кожа, лес. Она запахла плотнее, застегнула молнию до самого горла.

В кармане завибрировал телефон. Короткое сообщение: «Труп на суше. Улица Заводская, дом 7. Приезжай».

— Работа, — сказала Ева.

— Я с тобой, — сказала Кикимора и вскочила на плечо.

Глава 1. Утопленники

Я припарковалась у крайнего подъезда, выключила двигатель. Улица Заводская пахла гарью и стоячей водой. Дома здесь были старые, ещё довоенные, с облупившейся штукатуркой и заколоченными окнами. Те, кто жил, давно перебрались в новые районы, а те, кто остался, либо не могли, либо не хотели. Либо ждали, когда их тоже выселят под снос.

Кикимора сидела на приборной панели, вглядываясь в темноту.

— Здесь, — сказала она. — Вон там.

Она указала на третий этаж. Окно было открыто, занавеска колыхалась, хотя ветра не было.

— Почему ты не хочешь идти со мной? — спросила я.

— Потому что не хочу смотреть на утопленника на суше. Это неправильно. Вода должна быть в воде.

Я не стала спорить. Через минуту поднялась на третий этаж, толкнула дверь — она была не заперта.

Внутри пахло сыростью, плесенью и ещё чем-то сладковатым, тошнотворным. Мужчина лет пятидесяти лежал на полу в собственной гостиной. Лицо его было серым, губы синими, а волосы — мокрыми. Вокруг головы на паркете расплылась тёмная лужа, и в ней, в отражении, я увидела не потолок, а небо. Серое, низкое, тяжёлое.

— Утонул, — сказал участковый, молодой парень, который мялся в прихожей. — Врачи говорят, асфиксия от воды в лёгких. Но воды вокруг нет. И в квартире сухо.

— Зеркала? — спросила я.

— Какие зеркала?

— В доме есть зеркала? В ванной, в прихожей?

Он пожал плечами, заглянул в ванную.

— Есть. Обычные.

— Они целы?

— Да... а должны быть разбиты?

Я не ответила. Присела на корточки рядом с телом, достала перо Гамаюн. Оно не светилося, но было тёплым. Я провела им над лицом покойного. Ничего. Но когда я убирала перо, взгляд зацепился за маленький чёрный камень, лежащий на полу у самого трупa. Обычный голыш, если не считать вырезанного на нём знака — круга с двумя линиями. Я сунула камень в карман. Мало ли.

— Он не первый, — сказала я.

— Второй за неделю, — кивнул участковый. — Первого нашли в собственной ванной. Тоже утонул. Врачи разводят руками.

— Кто он?

— Инженер. Работал на химзаводе. Этот, — он кивнул на труп, — тоже. Оба с одного предприятия.

Я поднялась. Посмотрела в окно. За ним, внизу, чернела река. Заводские трубы дымили на том берегу, и дым стелился над водой, смешиваясь с туманом.

— Я разберусь, — сказала я.

Я не поехала домой. Сразу отправилась к отцу.

Он жил в другом районе, в небольшой квартире, которую снимал после того, как вернулся. Мы не стали жить вместе — слишком много боли, слишком много невысказанных слов. Но мы виделись. Иногда обедали. Иногда он звонил, спрашивал, не нужно ли чего.

Он открыл дверь сразу, будто ждал.

— Я слышал о смерти, — сказал он. — По телевизору.

— Это не просто смерть. Это русалки.

Он побледнел, пропустил меня в квартиру.

— Ты уверена?

— Я была там. Чувствовала. Вода не должна быть на суше.

Мы сели на кухне. Отец налил чай, поставил передо мной кружку. Я не пила.

— Завод, на котором работали эти двое, сбрасывает отходы в реку, — сказал я. — Ты знаешь об этом?

— Догадывался. Но это не моя стройка. Я не имею к ним отношения.

— Но у тебя есть связи. Ты можешь повлиять.

Он помолчал.

— Могу. Но это не быстро, — он посмотрел на меня странно — не как отец, а как человек, который знает больше, чем говорит. — Только ты... будь осторожна. Не лезь туда, где тебя не ждут.

Фраза повисла в воздухе, но я не придавала ей значения.

— Быстро нужно. Русалки не будут ждать.

Он посмотрел на меня долгим взглядом. В его глазах не было прежней пустоты, только усталость и что-то ещё — осторожная надежда.

— Ты стала похожа на него, — сказал он. — На Северова.

— Нет, — ответила я. — Я стала собой.

Ночью я не спала. Сидела на балконе, смотрела на реку. Кикимора свернулась клубком у меня на коленях.

— Ты не боишься? — спросила она.

— Чего?

— Что не справишься.

— Я боюсь, что справлюсь, но это ничего не изменит.

Она не ответила. Только вздохнула.

Внизу, в воде, что-то плеснуло. Я не стала смотреть. Я знала, что они там. И знала, что они придут.

Вопрос был только — когда.

Глава 2. Чёрная вода

Завод стоял на берегу реки, чёрный, проржавевший, как старый пароход, который забыли разобрать на металл. Трубы дымили, и дым стелился по воде, смешиваясь с туманом. Я приехала сюда на рассвете, когда город ещё спал, а река дышала тяжело, как больной.

Кикимора сидела на плече, молчала. Она не любила это место. Я чувствовала, как её когти впиваются в куртку.

— Здесь, — сказала она. — Они здесь.

— Русалки?

— И не только. Сама вода здесь больная.

Я вышла из машины, подошла к берегу. Вода была маслянистой, чёрной, и от неё тянуло тем самым сладковатым запахом, что и в квартире утопленника. Я опустила на корточки, коснулась поверхности пальцем. Вода была холодной. Мёртвой.

— Они не придут, пока ты здесь, — сказала Кикимора. — Ты для них — чужая. Проводник.

— Тогда я должна сделать так, чтобы они захотели говорить.

Я достала перо Гамаюн. Оно не светилось, но было тёплым. Я опустила его в воду. Вокруг пера, на поверхности, закружились круги, и вода в этом месте стала прозрачной, как слеза.

— Ты их зовёшь? — спросила Кикимора.

— Я предлагаю разговор.

Долго ничего не происходило. Только ветер шумел в трубах, и где-то вдалеке гудел первый автобус. А потом вода всколыхнулась, и из глубины, из чёрной пустоты, поднялось лицо.

Она была красивой. Бледной, с длинными тёмными волосами, которые струились по воде, и глазами без зрачков. Она смотрела на меня, и в её взгляде не было ни злобы, ни мольбы. Только усталость.

— Ты та, что говорит, — сказала она. Голос её был тихим, как шум дождя.

— Я та, кто слушает.

— Мы не хотели убивать. Мы хотели, чтобы они прекратили травить реку. Но они не слышали. Они слышат только крик.

— Я слышу. И я помогу.

— Как? — В её голосе не было надежды. Только тоска. — Ты закроешь завод? Ты заставишь их очистить воду? Ты одна?

— Я не одна. У меня есть те, кто может помочь.

Она усмехнулась.

— Люди всегда так говорят. А потом уходят. И река продолжает болеть.

— Я не уйду.

Она посмотрела на меня долгим взглядом, потом скрылась под водой. Круги разошлись, и вода снова стала чёрной, мёртвой.

— Она не верит тебе, — сказала Кикимора.

— Знаю. Но она дала мне время.

— Сколько?

— Не знаю. Но нужно успеть.

Я вернулась в город и сразу поехала к Ведане.

Она жила в старом доме на окраине, том самом, где когда-то принимала Северова. Теперь здесь было тихо, только ветер гулял по комнатам. Ведана сидела у окна, пила чай и смотрела на лес.

— Ты редко приезжаешь, — сказала она, не оборачиваясь.

— Ты тоже.

- Я была занята.
- Я знаю. Ты ищешь артефакт.
- Ищу. Но пока безрезультатно.

Я села напротив, положила руки на стол. Кикимора спрыгнула с плеча, устроилась на подоконнике.

- Мне нужна твоя помощь, — сказала я. — Русалки. Завод травит реку. Они мстят.
- Я знаю. Я слежу за этим.
- И ничего не сделала?
- Я не могу сделать всё. И не должна.
- Почему?
- Потому что это твоя река. Твой город. Твои люди.

Она повернулась, и я увидела её лицо. Оно было старше, чем в прошлый раз, и в глазах появилась та же усталость, что и у русалки.

- Я могу помочь советом, — сказала она. — Но решать должна ты.
- Тогда советуй.
- Очистить реку. Не остановить сброс, а очистить. Иначе русалки не успокоятся.
- Как?
- Есть старый способ. Ритуал в капище на том берегу. Но он требует жертвы.
- Я не буду убивать.
- Я не говорю о крови. Я говорю о силе. Ты должна отдать часть себя.
- Я готова.
- Не торопись. Жертва будет настоящей. Ты можешь заболеть. Или потерять что-то, что дорого.

Я посмотрела на свои руки. На амулеты Северова, которые висели на шее. На перо Гамаюн, которое лежало в кармане.

- Я готова, — повторила я.

Капище находилось на другом берегу, в лесу, который местные обходили стороной. Я приехала туда в сумерках. Кикимора шла впереди, указывая дорогу.

- Здесь, — сказала она, останавливаясь у старого дуба.

Дуб был огромным, раскидистым, с корнями, уходящими в воду. Вокруг него, на ветвях, висели ленты — истлевшие, старые, но всё ещё держащиеся.

- Это место силы, — сказала Кикимора. — Здесь можно говорить с рекой.

Я оглядела камни алтаря. На одном из них, заросшем мхом, я разглядела тот же знак — круг, две линии. Показалось? Я потёрла пальцем — знак не стирался, будто был вырезан глубоко.

- Кикимора, что это? — Она подошла, посмотрела, поморщилась.
- Старый знак. Кормление. Но кто его здесь поставил — не знаю. Давно не видел таких
- Что я должна сделать?
- Войти в воду. И отдать ей то, что она попросит.

Я разулась, сняла куртку. Амулеты оставила на шее. Перо взяла в руку.

- Не уходи далеко, — сказала Кикимора. — Я буду здесь.

Я шагнула в воду.

Она была холодной, чёрной, но не обжигала. Я шла, пока вода не поднялась до пояса, потом до груди, потом до горла. Я остановилась.

- Я здесь, — сказала я.

Вода вокруг меня закружилась, зашевелилась, и из глубины поднялись руки. Белые, длинные, они обвили мои ноги, мои руки, моё лицо. Я не сопротивлялась.

— Ты пришла, — сказал голос. Тот же, что у русалки, но теперь их было много. — Ты хочешь помочь?

— Да.

— Заплати.

— Что?

— Силу. Твою силу. Мы возьмём немного. Ты заболеешь. Но ты будешь жить.

— Берите.

Руки сжались. Я почувствовала, как что-то уходит из меня. Не боль — тепло. Оно вытекало, таяло, и я становилась холодной, пустой. Я хотела закричать, но не могла.

А потом всё кончилось.

Руки исчезли. Вода успокоилась. Я стояла по пояс в чёрной жиже, тяжело дыша.

— Хватит, — сказал голос. — Ты заплатила. Мы подождём. Но недолго.

Я вышла на берег, упала на колени. Кикимора подбежала, вцепилась в плечо.

— Ты как?

— Жить буду, — прошептала я.

— Ты дура.

— Знаю.

Я лежала на сырой земле, смотрела в небо. Звёзды кружились, расплывались. Я закрыла глаза.

— Не спи, — сказала Кикимора. — Не здесь.

— Я не сплю. Я думаю.

— О чём?

— О том, что она права. Я заплатила. Но этого мало.

— Чего же ещё?

— Времени. У нас его почти нет.

Я поднялась, шатаясь. Кикимора поддержала.

— Поехали, — сказала она. — Домой.

— Нет. К отцу. Нужно, чтобы завод закрыли. Быстро.

Я села в машину, завела двигатель. Руки дрожали, но я держалась.

В зеркале заднего вида, в отражении, я увидела его. Северова. Он стоял за моей спиной, смотрел на меня, и в его глазах не было боли. Только усталость и что-то ещё, похожее на надежду.

— Я справлюсь, — сказала я.

Он кивнул и исчез.

Я нажала на газ и поехала в ночь.

Глава 3. Полевик и дети

После русалок я думала, что хотя бы неделя будет тихой. Не вышло.

Звонок раздался на третий день, когда я сидела на кухне, пила чай и смотрела, как Кикимора пытается стащить печенье из вазки. У неё получалось плохо — когти скользили по глазури, она шипела от злости.

— Не бери, — сказала я. — Оставь для людей.

— А я кто? — обиделась она. — Тоже небожительница.

— Ты Кикимора. Ты должна есть болотную тину.

— Фу. Печенье вкуснее. А тина — для болотных.

Телефон завибрировал. Номер незнакомый, но я взяла.

— Ева Корзухина? — Голос женский, взволнованный, с деревенской тянучкой. — Вас дал следователь из города. Сказал, вы помогаете в странных делах.

— Помогаю. Что случилось?

— Дети пропали. В посёлке Заречье. Трое мальчишек. Ушли в лес и не вернулись. Местные искали — ничего. А один мужик говорит, что видел... ну, странное.

— Что именно?

— Он сказал: «Земля их взяла». Я не поняла. А теперь ещё двое взрослых пошли искать и тоже пропали. Помогите, пожалуйста.

Я посмотрела на Кикимору. Она перестала воровать печенье и наострила уши.

— Еду, — сказала я. — Ждите на въезде.

— Спасибо.

Я сбросила вызов, налила чай в термос, сунула в рюкзак фонарик, перо Гамаюн и нож. Амулеты Северова привычно висели на шее — холодные, но живые.

— Полевик? — спросила Кикимора, запрыгивая на плечо.

— Похоже. Дети, лес, земля. И взрослые пропали.

— Полевики редко похищают. Они не злые.

— Тогда что им нужно?

— Узнаем на месте. Но будь осторожна. Если земля больна, она не разбирает, кто свой, кто чужой.

Дорога до Заречья заняла час. Посёлок оказался маленьким, домов на тридцать, с покосившимися заборами и пустыми огородами. Пахло здесь не сеном и коровьим навозом, как я ожидала, а чем-то сладковато-гнилым, как от старого компоста, который перепрел, но так и не стал землёй.

На въезде меня встретила женщина лет сорока, Зинаида, староста. Лицо у неё было серое, под глазами круги.

— Спасибо, что приехали, — сказала она, пожимая мою руку. Рука сухая, горячая — нервная. — Милиция отмахнулась: «Сами найдутся». А я знаю — нет.

— Почему вы так уверены?

Она отвела глаза.

— Потому что старики говорят — полевик просыпается. Земля дышит. Кто в лес заходит — назад не возвращается.

— Где именно пропали дети?

— За огородами. Там поле, а за ним — лес. Раньше там фермер пас скотину, а теперь... — она запнулась. — Теперь там никто не ходит.

— Фермер? Какой фермер?

— Степанов. Он землю арендует. В этом году урожай сгнил, скотина болела. Он говорит — земля отравлена. А сам вон сколько химии льёт, что у меня куры передохли. Я жаловалась, но кто меня слушает?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.